

СТИВЕН КИНГ ПОРАЖЕН...

БЕНТЛИ ЛИТТЛ

НАСЛЕДИЕ

Москва
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л64

Bentley Little
HIS FATHER'S SON

© 2009 by Bentley Little. All rights reserved.

Школа перевода
В. Баканова

Литтл, Бентли.

Л64 Наследие / Бентли Литтл ; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Стивен Кинг поражен...).

ISBN 978-5-04-089078-1

Джозефа Ная уложили в госпиталь в тяжелом состоянии; недолго осталось ему жить на этой земле. Кроме того, рассудок старика помутился, и практически все время он проводит либо в забытии, либо в жутких приступах безумия. Но однажды, в один из редких периодов просветления, Джозеф взглянул на своего сына Стива и произнес: «Я ее убил». И это были последние внятные слова, которые он сказал. Изумленный и испуганный Стив решил во что бы то ни стало выяснить, кого, когда и за что убил его отец. Хотя бы потому, что он почему-то уверен: это окажется крайне важно для него самого...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык. Н. Холмогорова, 2017
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-089078-1

ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Когда она позвонила на работу, Стив Най сразу понял: что-то стряслось.

Мать никогда не звонила ему на работу. Нет, не так: просто *никогда* ему не звонила. Или почти никогда. Когда он в последний раз с ней разговаривал — на Пасху? На День матери? Определенно, они не самая любящая на свете семья: с родителями Стив виделся лишь на днях рождения и по большим праздникам. Вот почему, когда секретарша Джина, просунув голову в дверь, сказала: «На первой линии твоя мама», Стив отхлебнул из бумажного стаканчика с логотипом «Старбакс» большой глоток кофе и лишь затем нажал красную кнопку.

— Алло! Мама?

— Я звоню из-за твоего отца.

Как обычно — ни «здравствуй», ни «как живешь». Сразу к делу. Стив не очень понимал, что отвечать, поэтому просто ждал.

— Он пытался меня убить.

Вот тут Най широко раскрыл глаза и едва не подскочил на стуле.

— Что случилось? — спросил он. — Как ты?

Мать на другом конце провода вздохнула.

— Ну у меня сломана рука...

— О господи!

Пауза.

— Думаю, тебе лучше приехать.

— Где ты сейчас? В больнице?

— Нет, дома.

— Дома? А когда это произошло?

— Вчера.

— Вчера?! Господи Иисусе, мама, почему ты мне сразу не позвонила?

— Стивен, ты уже дважды помянул Господа всуе! — резко оборвала мать.

Най внутренне сжался от ее холодного, жесткого, такого знакомого тона.

— Знаешь, мама, у меня есть причины волноваться, — огрызнулся он. — Почему ты не позвонила сразу? — Следующий вопрос почти невозможно было произнести вслух, но Стив все же спросил: — И где папа? В тюрьме?

Сама мысль об этом казалась нелепой, смехотворной. Джозеф Най — самый добропорядочный человек! Просто невозможно вообразить его за решеткой...

— Нет. В больнице, под наблюдением.

— Он действительно пытался тебя убить?

— Да.

— Убить... — повторил Стив вслух, не в силах поверить.

— Вот именно.

— Как это произошло?

— Лучше тебе приехать.

— Мама...

— Не хочу говорить об этом по телефону!

— Хорошо, хорошо. Приеду, как только смогу.

Как обычно, не прощаясь, оба повесили трубки.

Стив выключил компьютер, борясь с подступающей паникой. Рассказанное матерью не укладывалось в голове. Отец напал на нее... пытался убить...

сломал ей руку... Бред какой-то. Быть может, его родители — не самая любящая пара на свете, но уж точно самая вежливая. Пусть он никогда не видел, чтобы они целовались, обнимались или хотя бы держались за руки, — однако он не помнил и ни одной супружеской ссоры, даже легкого разногласия. Да уж, согласны они были всегда и во всем, особенно в том, какой у них никудышный сын! Неизменно ровный тон, постоянные «спасибо», «пожалуйста» и прочие вежливые словечки... И вдруг — отец нападает на мать и ломает ей руку! Безумие. Просто безумие. Запирая свои заметки в нижнем ящике стола, Стив заметил, что руки дрожат.

Сказав Джине, что сегодня не вернется, и попросив переключать входящие звонки на автоответчик, он промчался мимо ее стола к кабинету Марка Маккола. Глава отдела, как обычно, откинувшись в кресле за огромным столом, читал «Уолл-стрит джорнал». Стив побарабанил костяшками пальцев по дверному косяку. Маккол поднял голову, и на его лице отразилось легкое раздражение.

— Да?

— Мне придется уйти до конца дня, — объяснил Стив. — В семье неприятности.

— Джину предупредите, — равнодушно буркнул Маккол и снова уткнулся в газету.

Стив кивнул и, помахав Джине, выскочил на улицу. Он жил и работал в Ирвайне, родители — в Анахайме; даже если не будет пробок, дорога до родительского дома займет не меньше получаса. Почему мать не позвонила ему вчера из больницы? Чего ждала? Причин могло быть множество — начиная с того, что они с матерью не слишком-то близки. Впрочем, в голове засели ее слова: «Не хочу говорить об этом по телефону». Похоже, случилось что-то еще — что-то такое, о чем лучше не

говорить вслух. Путь до парковки Стив проделал бегом.

Радио, настроенное на местную станцию, каждые двенадцать минут передавало информацию о пробках, однако о заторе между шоссе на Сан-Диего и на Санта-Ану по радио ничего не сказали, и лишь час спустя Стив миновал Диснейленд и свернул к Анахайму. Повернул направо возле старого здания «Тако Белл», недавно переоборудованного в нечто под названием «Терияки-Бургер», проехал мимо длинного ряда авторемонтных мастерских и магазинов запчастей — своего рода буферной зоны перед жилыми кварталами. Светофор, «кирпич», поворот налево, снова направо... прибыли.

Родительский дом совсем не изменился со времен его молодости; а вот окрестности изменились сильно, и к худшему. На лужайке перед соседним домом, где когда-то жили Свенсоны, на выгоревшей пожухлой траве стояла, скрестив руки на груди, девочка-подросток, вся в татуировках и с торчащими зубами, и смотрела на Стивена с мрачным вызовом. Дом с другой стороны давно пустовал, лужайка перед ним заросла сорняками, и к табличке «Продается» было приписано красными буквами: «ПРАВО ВЫКУПА ПОТЕРЯНО». Через улицу, напротив ядовито-розового домика с заколоченными окнами, тусовались четверо парней-латиноамериканцев с бритыми головами и в одинаковых белых футболках.

Только дом родителей все такой же — словно вышел из фильма про семейку Брэйди¹. Окна блестят, на стенах ни пятнышка, лужайка аккуратно подстрижена, в цветочном ящике цветет герань.

¹ «Семейка Брэйди» (1969–1974) — популярный американский телесериал-ситком об идеальной семье.

«Интересно, кто подстригает им лужайку?» — мелькнуло в голове, и Стив вдруг сообразил, что никогда раньше не задавался этим вопросом. Вряд ли сам отец — для такой работы он уже староват. Должно быть, нанимают садовника или соседского мальчишку. С самого переезда в этот дом (Стиву тогда было тринадцать) и до отъезда в колледж лужайку стриг он — но никогда, даже подростком, ничего за это не получал. Отец говорил: работа по дому — его долг как члена семьи, платить за это — просто нелепость. Если Стиву нужны карманные деньги, пусть заработает их где-нибудь еще. Например, подстрижет лужайку соседям.

Не то чтобы Стив возражал. О нет! В те годы он рад был любому предлогу сбежать из дома.

Звонить Стив не стал — просто толкнул дверь, и она открылась. Ну вот, опять! Тысячу раз он просил родителей запереть дверь даже днем, объяснял, что времена изменились... Увы, они застряли в каком-то своем мире, в идеальном мирке старого телесериала, и не желали принимать простейших мер предосторожности. Просто чудо, что их до сих пор не обнесли. Или не убили...

— Мама! — позвал Стив, входя в гостиную. — Мама!

— Я здесь!

Стив вошел в следующую комнату: у родителей она называлась «комната с телевизором». Мать смотрела «Шоу Опры». Съежилась в просторном кресле, маленькая, хрупкая и какая-то неожиданно старая. Отчасти, понял Стив, такое впечатление возникло от того, что она сидит в кресле отца — он привык видеть в нем своего старика, куда более массивного; а отчасти — оттого, что она и вправду старая. В сознании Стива мать вечно оставалась женщиной лет сорока пяти, какой была, когда он

ходил в школу. И всякий раз, видя ее, он с удивлением вспоминал о том, сколько воды утекло. Но сейчас — с рукой на перевязи, с бледным осунувшимся лицом — она выглядела совсем старушкой, слабой и одинокой.

Стив тяжело опустился на кушетку напротив.

— Как ты?

— Все хорошо.

Странно было разговаривать с матерью наедине. Он и не помнил, когда в последний раз видел ее одну, без отца.

— Так что произошло?

— Он на меня напал.

— Как? Где?

— Прямо здесь. Перед домом. Я приехала из «Уолмарта», только вышла из машины — и вдруг он прыгнул прямо на меня. Просто выскочил из дома и набросился на меня.

— О господи!

Мать смерила его неодобрительным взглядом.

— Извини, — пробормотал Стив. — Просто не могу поверить, что папа такое сотворил.

— Подбежал сосед и оттащил его от меня. Если б не этот молодой человек, быть может, я бы сейчас здесь не сидела. Я лежала на земле, а он меня бил. И с таким лицом... — Она вздрогнула и покачала головой. — Он хотел меня убить. Точно тебе говорю. Потом тот молодой человек оттащил его от меня, и кто-то вызвал полицию. К тому времени, как приехали полицейские, твоего отца держали уже четверо мужчин, а он вырывался и вопил что есть мочи. Я сломала запястье — упала на руку, когда он меня повалил, — но в остальном все нормально. Просто синяки.

— А ты не подумала, что стоит мне позвонить? Чего ты ждала целые сутки?

— Ты и дальше будешь меня перебивать или дашь рассказать все по порядку?

Стив промолчал и отвернулся. В столбе солнечного света, падающего из окна, кружились пылинки: появлялись, и исчезали, и снова появлялись. Такие пылинки в лучах солнца он видел в детстве, когда бывал у дедушки с бабушкой. Когда и как случилось, что дом, где он вырос, стал домом стариков?

— Меня отвезли в неотложку, в Анахаймскую мемориальную больницу, и наложили гипс. А отца — в психиатрическое отделение. Я сначала думала, что его посадят в тюрьму, но, должно быть, полицейские сразу увидели, что с ним что-то неладно — они, наверное, часто с таким сталкиваются. И отвезли его в больницу. Я пыталась с ним поговорить, но он только орал на меня. Спросили, не хочу ли я остаться с ним; я не хотела, и меня отвезли домой.

«А мне-то почему не позвонила?» — снова мысленно спросил Стив. Почему предпочла пользоваться помощью посторонних людей, а не звонить сыну? Впрочем, Стив знал: об этом спрашивать — значит ее злить. А кроме того, сомневался, что хочет знать ответ.

— В тот же вечер его перевезли в Ветеранский госпиталь, — продолжала мать. — Оттуда мне позвонил врач. Отец и сейчас там, под наблюдением.

— А они понимают, что произошло? Почему он на тебя напал? Что с ним было — удар, какой-то... не знаю... какой-то припадок или что? — Стиву требовалось какое-то объяснение, название, ярлык, который сделает то немислимое, что произошло с отцом, чуть более реальным.

Мать кивнула.

— Да, врачи думают, что он перенес инсульт. И надо сразу тебя предупредить: говорит он по

большей части бессмыслицу. Что-то перемкнуло у него в мозгу: самому ему кажется, что он говорит нормально, а на самом деле несет какую-то чушь. — На ее лице отразилась боль. — Тяжело это слушать...

— Но это не объясняет, почему отец на тебя напал.

— Верно. Поэтому он под наблюдением.

— Значит, в Ветеранском госпитале?

— Да, в Лонг-Бич. Он там уже лежал — с сердечным приступом, помнишь? Я не уверена, что там хороший уход...

— А сегодня что-нибудь было? Какие-нибудь новости? — спросил Стив. Он все не мог поверить, что мать целый день ждала, прежде чем с ним связаться.

Она покачала головой.

— Хочешь, я позвоню туда и узнаю?

Мать оскорбленно выпрямилась.

— Он напал на меня. Сломал мне руку. Называл меня... называл... я не могу повторить как... — Ее губы сжались в тонкую обиженную линию.

Отец обзывал мать какими-то непристойными словами?! Дико слышать. На памяти Стива он даже слова «черт» не произносил.

— Прости, — покаянно пробормотал Стив.

Разумеется, надо было догадаться! Мать обижена, что он не уделил должного внимания ее бедам. Хоть и сама заверила, что с ней всё в порядке, хоть и благополучно добралась домой, а отец сейчас заточен в психиатрическом отделении... Мать всегда была эгоисткой, и вряд ли возможно ее убедить, что в долгосрочной перспективе insult куда серьезнее сломанной руки.

Еще несколько минут они обсуждали травму матери — неловко, неумело: оба не привыкли об-

щаться друг с дружкой наедине. Мать хотела сочувствия, однако на все вопросы отвечала, что с ней всё в порядке и беспокоиться не о чем. В конце концов, уже довольно жалким тоном, Стив спросил, чем может ей помочь: купить лекарства, сходить в магазин или, может, постирать, пропылесосить, еще что-то сделать по дому...

— Не нужно, я со всем справляюсь, — ответила она.

Стив взглянул на часы. Два часа дня — уже поздновато.

— Я съезжу к папе. Не хочешь со мной?

Мать покачала головой.

— Не могу, — проговорила она, и на лице ее промелькнуло странное выражение — сразу и смущение, и гнев, и испуг.

Телефона больницы у матери не оказалось, так что Стив позвонил в справочную службу, набрал полученный номер и попросил оператора соединить его с палатой отца. Дежурный ответил, что отец все еще под наблюдением и сейчас спит. Новостей о его состоянии нет, доктор будет чуть позже — и, конечно, встретится и поговорит со Стивом.

Най повесил трубку и снова взглянул на часы. Они с Шерри собирались сегодня вместе поужинать. Может, успеет смотаться в Лонг-Бич, вернуться и в шесть забрать ее из библиотеки? Нет, вряд ли: ведь ехать придется по шоссе в час пик...

Несколько секунд Стив раздумывал, как лучше поступить: отменить свидание с Шерри или сегодня поужинать с ней, а к отцу поехать завтра. Потом сообразил, что сам такой вопрос звучит на редкость красноречиво, устыдился, позвонил Шерри и сказал, что сегодня с ней встретиться не сможет — отец попал в больницу. Шерри заахала, даже предложила съездить в больницу с ним вместе; но тут он со-

врал, что уже в дороге, пообещал позвонить вечером и дал отбой. Не хватало только, чтобы Шерри увидела отца в таком состоянии!.. Затем он попросился с матерью, ей тоже пообещал позвонить и узнать, как она, едва вернется домой, — и отправился в путь.

Ветеранский госпиталь в Лонг-Бич оказался многоэтажным зданием, со всех сторон окруженным громадной парковкой. Было в нем что-то от советских казенных учреждений — никакой красоты, строгая функциональность; унылые серые стены и грязные окна тоже не внушали особой бодрости. Стив несколько раз объехал больницу кругом, прежде чем нашел, где припарковаться: какой-то красный «Джип» прямо перед ним неожиданно попятился и освободил место. Дальше пришлось долго идти пешком, и его едва не сбил какой-то чудила на «Хаммере», гнавший по узкому парковочному проезду милях на пятидесяти в час. Наконец Стив вошел внутрь и поинтересовался, как попасть в палату 242 — к отцу. Неулыбчивый человек за конторкой ответил: «Это на втором этаже», — и махнул рукой в сторону лифта в дальнем конце почти пустого холла. В лифте Стив ехал один. Вдоволь поскрипев и повздыхав, престарелая машина разжала челюсти и выпустила его в огромный коридор, идущий, казалось, вдоль всего здания: в дальнем конце его смутно маячили человеческие фигуры.

В коридоре воняло. Воняло рвотой и лекарствами, какой-то химией и фекалиями. Стив продвигался по коридору, прикрыв нос и стараясь дышать через рот; но медсестры и санитары, попадавшие ему навстречу, должно быть, притерпелись к запаху и вовсе его не замечали. По обеим сторонам сквозь приоткрытые двери Най видел темные палаты со множеством кроватей: примерно так Стив представ-

лял себе тюремную больницу. Мимо проехал пациент в коляске, без ног и с повязкой на глазу. Стив поспешно отвел взгляд, потом сообразил, что это может обидеть инвалида, взглянул на него, готовый улыбнуться. Пациент ответил ему сердитым взглядом своего единственного глаза и проехал мимо.

— Где мои таблетки?! — завопил вдруг кто-то в палате слева. В отчаянном вопле звучала такая боль, какую Стив и представить себе не мог; однако никто вокруг словно не услышал. — ГДЕ МОИ ТАБЛЕТКИ?! — снова завопил больной.

И в таком-то месте заперли отца?!

Наю здесь совсем не нравилось. А кроме того, в глубине души он боялся встречи с отцом. Да, из слов матери ясно, что мозги у него не в порядке, — и все же Стив представлял себе знакомую картину. Ему казалось: к тому времени, как он доберется до отца, тот придет в себя и, разумеется, во всем обвинит сына. Как обычно. Будет рвать и метать из-за того, что его перевезли сюда из Анахаймской больницы. Мысль эта была так неотступна, что, подходя к дверям палаты номер 242, Стив уже придумывал себе оправдания.

Таблички или чего-то подобного с надписью «Психиатрическое отделение» он нигде не заметил, так что поначалу даже подумал: произошла ошибка, отца положили не туда. Ведь он должен быть под психиатрическим наблюдением — а все пациенты, которых Стив здесь видел и слышал, страдали физически. Но потом сообразил: он же в Ветеранском госпитале. Естественно, тут кругом калеки. Должно быть, весь этот этаж и есть психиатрическое отделение.

Он постоял немного перед дверью, собираясь с духом, и заглянул внутрь. Палата оказалась небольшая, всего на троих — не как те барачного вида